

На правах рукописи
УДК 323.2

Чарина Анна Михайловна

**Этнический фактор в развитии региональных политических элит
(на примере «финно-угорских регионов» Российской Федерации)**

Специальность 23.00.05. – Политическая регионалистика. Этнополитика.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Саратов - 2012

**Работа выполнена на кафедре управления
социально-политическими процессами
автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования Республики Коми
«Коми республиканская академия государственной службы и управления»**

Научный руководитель:

Доктор исторических наук
ШАБАЕВ Юрий Петрович

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится « » _____ 2012 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: г.Саратов, ул.Чернышевского, д. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор политических наук,
профессор

В.С. Слободникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Повышение значимости этнического фактора в жизни современного общества связано с процессами политических трансформаций, глубокими экономическими изменениями, а также с глобализацией. Актуализацию этнического самосознания в этой связи следует рассматривать как реакцию этнических сообществ на эти процессы. Этнический фактор играет заметную роль в политической модернизации, что находит свое выражение в том, что многие социальные и политические явления приобретают этнически окрашенный характер. Подобная ситуация неизбежно ведет к тому, что этничность превращается в политический ресурс, а этнические элиты начинают играть роль важных политических акторов, особенно на региональном уровне. Превращение этничности в политический ресурс и усиление политического влияния этнических элит в свою очередь ведут к огосударствлению этничности, т.е. к формированию специальных государственных институтов, отвечающих за регулирование отношений между государством и этническими группами, к политическому маркированию этнических групп и т.д.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению региональной политической элиты, а точнее определенного сектора элиты, который можно условно назвать этноэлитой. При этом очевидно, что этноэлита, как и другие элитные группировки, неоднородна. В ней можно выделить культурную и политическую группировки. Наше внимание направлено на анализ деятельности последней. Мы полагаем, что к этой группе этноэлиты следует отнести ту часть представителей финно-угорского этнического сообщества, которая активно вовлечена в политические процессы и способна оказывать на них влияние, т.е. лидеров и идеологов этнополитических и этнокультурных финно-угорских организаций, местных политиков, которые используют ресурс этничности в целях политической борьбы.

Состояние научной разработанности проблемы. По мнению специалистов, в настоящее время российская элитология является одной из ведущих в мире и представляет собой не простой набор каких-то отдельных теорий и концепций, а единую науку, объединенную общей методологической основой. Это утверждение является главным преимуществом перед западными теориями элит.

Существенный вклад в элитологические знания внесли Д. Хигли, Р. Михельс, К.Манхейм, М. Кастэлс, Ч. Миллс и др. Их работы позволяют осмыслить общетеоретические и методологические аспекты и процессы формирования и становления элит.

Существенное значение для темы диссертационной работы в методологическом и теоретическом плане, а также в практическом изучении элит всех уровней имеют работы Г.К. Ашина, А.В. Дуки, В.П. Мохова, Е.В. Охотского, Я.А. Пляйса, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и др.

Заслуживают особого внимания исследования Института социологии РАН, осуществляемые под руководством О.В. Крыштановской. Они посвящены изучению российской политической элиты, особенностей ее формирования, методам ротации. Ее обобщающая работа «Анатомия российской элиты», написанная в рамках номенклатурного подхода, охватывает интересующий нас период и определяет роль и место политической элиты в России.

В число фундаментальных работ, посвященных анализу российской элиты и оказавших значительную помощь для нашего исследования в вопросах интерпретации научных фактов, вошли труды О.В. Гаман-Голутвиной, в частности ее монография «Политические элиты России: вехи исторической эволюции».

Определенный интерес для нашего исследования представляют работы Д. Бадовского и А. Шутова, рассматривающие внутриэлитные процессы на региональном уровне с позиции номенклатурного подхода. Российские исследователи А. Афанасьев и И. Куколев в свою очередь выделили клиентелистские принципы формирования

региональных элит, отметив при этом в качестве важнейшего элитообразующего фактора институализацию региональных заинтересованных групп.

В контексте анализируемой нами проблематики региональная политическая элита рассматривается во многих других работах. В частности, региональная элита стала предметом изучения двух московских ученых – Н. Лапиной и А. Чириковой. Их наиболее крупной работой является монография «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор». Заслуживают внимание выделенные авторами модели взаимодействия региональных элит и влияние этих моделей на характер политических изменений в региональной политике и экономике.

Наиболее продуктивно изучением политической элиты, в том числе региональной, занимаются исследователи, которые принадлежат к ростовской элитологической школе, созданной под руководством известных ученых – А.В. Понеделкова и А.М. Старостина. Для нашей работы существенное значение имеют выделенные ими характеристики взаимоотношений элит на региональном уровне, которые укладываются в три основные модели взаимодействия: патронаж, конфликт, партнерство.

В представляющем интерес для нашей темы Северо-Западном регионе – месте расположения большинства народов, относящихся к финно-угорской группе – региональные политические элиты рассматривались в работах В.А. Ачкасова, А.В. Дуки, В.А. Ковалева, Т.М. Поляковой, Ю.П. Шабаева. Ими был осуществлен анализ элитных группировок при помощи модели трансформации элитной структуры и консолидации демократического режима через механизм «сообщества элит», разработанный Дж. Хигли, М. Бартоном и Р. Гантом.

Удачным опытом анализа является исследование А.К. Магомедова, в котором автор использовал кросс-региональное сравнение элит в России, основанное на типологии Р. Пантэма. Данная типология включает в себя четыре главных типа политических установок элит. Роль партий и элит в регионах рассматривается также в работах Г. Голосова, С. Восканяна и ряда других исследователей.

В начале XXI столетия положение элиты в обществе кардинально изменяется в связи с процессами глобализации и информатизации. Их следствием стало образование наднациональных элит (элиты транснациональных корпораций, банков, органов управления международных организаций и др.), поэтому научные интересы исследователей элит связаны с различными проблемами, с которыми сталкивается современное общество. Так, например, по мнению А.П. Кочеткова, в условиях глобализации власть элит возрастает на наднациональном уровне и снижается на национальном.

Процессы суверенизации и изменение характера отношений между федеральным центром и субъектами, имевшие место в 1990-е гг., способствовали включению механизмов этносоциальной диверсификации и продвижению этносоциальных и экстерриториальных субъектов в политические процессы. Указанные процессы сказались на этнизации региональных элит, на что обращают внимание многие российские элитологи, в частности М.Х. Фарукшин, Р.Р. Галлямов, Г.С. Денисова.

Заслуживают особого внимания исследования, посвященные этническим элитам как части российской политической элиты. Среди немногих отметим работы М.А. Аствацатуровой, исследовавшей процесс формирования этнической элиты диаспор в среде сообществ, которым присущи такие категориальные свойства, как стремление к сохранению этнокультурной самобытности, этнической дистанции, чувство внутриаэтнической солидарности. По мнению М.С. Инкижековой, современная этническая элита может рассматриваться как сложное, многомерное и самоорганизующееся «пространство», в котором тесно переплетаются черты как политической, так и культурной элиты.

В составе этнической элиты можно выделить особую группу интеллектуалов, которые выступают создателями идеологии этнонациональных движений – идеологии

этнического национализма. Эту группу некоторые исследователи предлагают называть этнической «символьной элитой». Так, в работе Л.В. Сагитовой, предметом исследования которой являлось идеологическое поле, «символьная элита» — это научная и творческая интеллигенция, создающая и тиражирующая посредством СМИ этнические ценности и символы.

В работах Н.С. Мухаметшиной, наиболее близких по результатам к исследуемой нами теме, рассмотрены тенденции трансформации этнического национализма в современном российском обществе под влиянием политической активности этнических элит: башкирской, русской, татарской. Проанализирована специфика «символической продукции», производимой и транслируемой башкирской, русской, татарской «символьной элитой» в условиях Республики Башкортостан, Оренбургской и Самарской областей.

Отметим также работу Т.М. Поляковой и Д.М. Давурова, в которой изучены процессы формирования современной региональной элиты как фактора стабилизации этнополитической сферы Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия).

Исследованию политической элиты в Республике Коми посвящены работы В.И. Кучумова. Автор выявляет сущностные черты современной российской политической элиты в процессе политической интеракции с региональным политическим режимом. Определенный интерес для диссертационной работы представляют исследования политической элиты в Республике Коми, проведенные В.А. Ковалевым и Ю.П. Шабаетым. Отдельные аспекты интересующей нас темы и важные вопросы социально-экономического и культурного развития народов уральской языковой семьи и территорий их проживания раскрываются в монографии «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра» коллектива авторов (В.К. Абрамов, А.К. Конюхов, О.Ю. Кузичанова). К научным работам, связанным с избранной нами темой, следует отнести монографию О.Ю. Кузичановой «Этнополитические и культурные ресурсы этничности (на примере коми народа)». Указанные труды позволяют расширить наши представления о финно-угорских народах, проживающих в России, проследить этнодемографические, социально-экономические и культурные процессы их развития.

Среди иностранных ученых, изучавших российские региональные этнические элиты, в первую очередь следует назвать японского исследователя К. Мацузато. Под его руководством в 1997 – 2000 гг. издана серия из семи томов «Регионы России. Хроника и руководители», выполнен крупный исследовательский проект «Элиты Средне-Волжских национальных республик», результаты которого частично были обобщены в авторской монографии. Пожалуй, это единственное серьезное исследование, где рассматривается идеология этнонациональных движений и политические позиции региональных этнических элит.

Как показал анализ имеющейся литературы, малоизученной является проблема региональных элит как творцов идеологии вообще и идеологии финно-угорского движения в частности, а также проблема политических притязаний этнической элиты и ее роли в региональных политических процессах.

Целью диссертационного исследования является анализ влияния этнического фактора на трансформацию региональных политических элит в «финно-угорских регионах» Российской Федерации.

В соответствии с поставленной целью нами определены следующие **задачи**:

- 1) выявить особенности формирования региональной этнической элиты как составной части региональных политических элит Российской Федерации;
- 2) определить значение культурного конструкта «финно-угорский мир» в политическом позиционировании финно-угорской этнической элиты и изучить роль языка как маркера этничности и средства консолидации российских финно-угров;
- 3) изучить основополагающие позиции отечественных и западных этнических антрепренеров, направленные на политизацию этничности;

- 4) проанализировать роль этнонациональных движений в «финно-угорских регионах» Российской Федерации и место этнической элиты в них;
- 5) исследовать основные проблемы и тенденции развития процессов фрагментации финно-угорских этнических сообществ, предложить основные направления корректировки региональной этнонациональной политики.

Объектом диссертационного исследования выступают региональные политические элиты.

Предметом диссертационного исследования является роль этничности в развитии региональных политических элит в «финно-угорских регионах» Российской Федерации.

Общая рабочая гипотеза исследования. В современных условиях вес этнической элиты в политической жизни субъектов Российской Федерации с финно-угорским населением ослабевает и для сохранения своего политического влияния она меняет идеологические ориентиры и политические практики, стремится к расширению групп солидарности и к поиску новых идеологических ориентиров. Изменения политической роли и политического влияния этноэлит связаны как с неудачным политическим опытом их прежней деятельности, так и с переменами в самом российском обществе, в частности с тем, что этничность как политический ресурс постепенно теряет свое значение, а общегражданские идеалы начинают приобретать все большее значение для россиян.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на теоретических подходах, рассматривающих систему объективных факторов, обуславливающих появление и становление элит и оказывающих влияние на их развитие. Основным подходом, избранным нами к анализу сущности политической элиты, является функциональный подход одного из классиков макиавеллевской школы Р. Михельса, который органически связан с пониманием элиты как социальной группы, выполняющей определенные жизненно важные функции в обществе. Сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее.

Основу диссертационного исследования составляет компаративистский метод познания и конструктивистский подход в понимании этничности. Именно компаративистский подход (и сравнительно-исторический метод) позволяет в динамике проследить и сравнить процессы, связанные с политическим развитием региональных этнических элит в финно-угорских регионах Российской Федерации. А конструктивистское понимание этничности позволяет оценить совокупность социальных условий и факторов, превращающих этничность не только в социальную категорию, но и в политический ресурс.

Для конкретного анализа этнополитических процессов и места этнических элит в этих процессах использовались различные методики: анализ прессы, официальных документов, материалов и выступлений политических деятелей, программных документов общественных организаций, политических практик и данных статистики, интернет-ресурсов. К использовавшимся нами методическим приемам относятся также социологические методы, в частности массовые опросы населения и анализ их результатов, интервьюирование, включенное наблюдение, анализ статистических материалов, которые в совокупности с вышеназванными методами позволили создать эмпирическую базу диссертационной работы.

При анализе региональных этнополитических процессов и рассмотрении политической роли этнических элит весьма продуктивным нам представляется не путь широких обобщений на основе комплекса формализованных показателей, к которым нередко прибегают в политологических исследованиях, а историко-социологическое и конкретно-политическое монографическое исследование этнонациональных движений и этнических элит, т.е. избранный нами вариант.

Научная новизна исследования:

- 1) проведен комплексный анализ политической деятельности этнических элит финно-угорских народов Российской Федерации. Финно-угорская этноэлита

рассматривается как часть политических региональных элит, имеющая свою структуру;

- 2) конкретизированы определения двух ключевых понятий, имеющих принципиальное значение для нашего исследования, а именно: «*Финно-угорский мир*» и «*финно-угорский регион*»;
- 3) исследованы материалы, касающиеся формирования и политической деятельности этнонациональных движений финно-угорских народов и их лидеров. Доказано, что эта деятельность была направлена на политизацию этничности и этнизацию институтов представительной власти в регионах Российской Федерации с финно-угорским населением;
- 4) выявлено, что результатами политизации этничности различными средствами, в том числе путем абсолютизации роли языка и придания «языковому вопросу» идеологического значения, явились падение доверия к национальным движениям и глубокий кризис, который сегодня они переживают;
- 5) проанализирована роль этнической элиты финно-угорских народов и ее влияние на формирование идеологии и политической практики этнонациональных движений;
- 6) показано, что в «финно-угорских регионах» Российской Федерации начинают усиливаться процессы фрагментации этнических сообществ и «регионализации» их политических интересов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Появление этнической элиты «первой волны» было связано с распадом СССР. Начавшийся после этого «парад суверенитетов» в постсоветской России в 1991–1992 гг. привел к образованию в национальных республиках различного рода национальных движений, объявивших себя выразителями интересов этнических общностей и претендующих на право говорить от имени целого народа или даже группы народов. Главными лозунгами этнической элиты финно-угров, возглавивших общественные организации «первой волны», созданные в период 1989 – 1992 гг., были «спасение и возрождение национальных языков и культур», «сохранение самобытности народов». Ее представители обладали немалым авторитетом, и их мнение учитывалось региональными властями при принятии важных экономических и политических решений. Этнические элиты финно-угорских народов Российской Федерации изначально не были самостоятельными политическими акторами, что неизбежно вынуждало их вступать в клиентские отношения с более значимыми политическими игроками как в России, так и за ее пределами. Формы взаимодействия элит с региональной властью складывались первоначально по-разному, но в конечном итоге повсеместно они оказались в полной зависимости от местных властей.

2. Именно в этот период возникли такие устойчивые этнополитические маркеры, как «финно-угорский мир», «финноугорские регионы», утвердились в официальном календаре «дни родственных народов», которые были призваны не закреплять идею культурной общности россиян, а разрушать ее, т.к. из российского культурного пространства вычленились лингвистически родственные народы и культивировалась идея единения этих народов в особую транстерриториальную и трансграничную общность. В качестве механизма конструирования такой общности были созданы структуры в виде всемирных конгрессов финно-угорских народов, спонсируемых за счет государства, федеральных финно-угорских культурных центров, деятельность которых оплачивалась из федерального бюджета и других институтов политизированной этничности.

3. В результате последовательного противопоставления этничности и гражданства, заложенного изначально в идейные конструкции этнополитических организаций финно-угров, их общественная поддержка со второй половины 1990-х гг. ослабевает и начинается затяжной кризис этнополитических организаций, постепенный отказ от политической деятельности и переквалификация движений из этнополитических в этнокультурные (общественные) организации. В качестве основных аргументов,

используемых для усиления роли этнического фактора, влияющего на развитие финно-угорского движения можно обозначить демографические и языковые. Их применение не было эффективным. В исследуемый нами период прекращают свою деятельность многие радикальные организации этнополитического толка, между ними и региональными властями начинается постоянное противостояние, сами же движения оказываются в полной зависимости от властей и окончательно теряют влияние среди населения.

4. Идеология этнонациональных движений финно-угров Российской Федерации основывается на идеях этнического национализма, и в ней этничность очевидно противопоставляется гражданству, этнические сообщества вычленяются из гражданских территориальных сообществ, а их интересы называются приоритетными. Стремление вычленять этнические сообщества из территориальных, не учитывая значение гражданского единства, неизбежно должно было породить кризис этнонациональных движений, который стал проявляться еще во второй половине 1990-х гг. и в настоящее время продолжает углубляться. Этот кризис порожден тем, что массовой поддержки этнонациональные движения так и не получили. Гражданские интересы этнических групп оказались сильнее политически мобилизованной этничности. Кризис этнонациональных движений финно-угров Российской Федерации, с одной стороны, усиливает стремление их лидеров опереться на поддержку внешних акторов, а с другой стороны, ведет к изменениям в идеологии движения, где все большую роль начинают играть идеи паннационализма (идея «финно-угорского мира») и местного национализма (эрзянского, коми-ижемского, горномарийского и т.д.).

5. На наш взгляд, новый национализм российских финно-угров еще только начинает зарождаться. Но очевидно, что новый национализм будет смещаться в сторону гражданского национализма, т.к. в конкуренции между этничностью и гражданством перевес оказывается на стороне последнего. То, что гражданский интерес сегодня доминирует, доказывает кризис этнонациональных движений, в том числе и некогда весьма мощных (к примеру, татарского). По нашему мнению, более обоснованной является точка зрения об инструментальной направленности идентичности финно-угров, а также роль этнической элиты в ее актуализации, согласно которой финно-угорский мир существует благодаря символическому наполнению, в том числе за счет политического ресурса, используемого этноэлитой.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В теоретическом плане работа может служить основой для дальнейшей разработки элитологических концепций, особенно в плане изучения процессов, связанных с конкуренцией элит, формированием элитных группировок, конструированием идеологии.

Практическое значение исследования связано с проблемами совершенствования и оптимизации региональной этнополитики. Работа предлагает конкретные ориентиры, которые необходимо учитывать при построении моделей региональной этнополитики. В первую очередь это касается построения концептуальных положений этнополитики и создания механизмов ее реализации, ориентированных на гражданские ценности и индивидуальные права граждан.

Материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах для студентов, при организации обучения различных категорий государственных и муниципальных служащих, в процессе преподавания дисциплин управленческого цикла («Теория управления», «Основы менеджмента»). Материалы исследования также найдут свое применение в преподавании таких спецкурсов, как «Элитология», «Политическая элита и политическое лидерство», «Этнополитология».

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертации прошли апробацию в ходе ряда конференций международного, всероссийского и регионального уровней, в частности на VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере»

(г. Сыктывкар, март 2008 г.); X Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (г. Санкт-Петербург, апрель 2008 г.), организованной РГПУ им. А.И. Герцена, кафедрой ЮНЕСКО «Теория образования в поликультурном обществе», Комитетом по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга; Международной научно-практической конференции «Проблемы теории и практики формирования белорусской экономической модели» (г. Минск, май 2008 г.); Международной научно-практической конференции «Этнические и межэтнические проблемы современного российского общества» (г. Пенза, июнь 2008 г.); Международной научно-практической конференции «Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России – Северный Кавказ)» (г. Пятигорск, июнь 2009 г.); научном семинаре «Региональная элита: формирование и особенности становления и развития» (г. Сыктывкар, апрель 2010 г.); IX Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере» (г. Сыктывкар, апрель 2010 г.); 2nd International Conference «Law, Economy and Management in Modern Ambience». LEMiMA 2011 (Belgrade, Serbia, 12 – 15. April 2011).

Диссертационное исследование прошло обсуждение на заседании кафедры истории и социологии политики ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия» в рамках методологического семинара.

Положения и выводы исследования были использованы автором при чтении лекций и проведении практических занятий в системе обучения государственных служащих на базе Коми республиканской академии государственной службы и управления по дисциплине «Теория управления».

Основные положения диссертационного исследования изложены в 15 печатных работах, в том числе в трех монографиях и двух статьях в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований, общим объемом 38,2 п.л.

Структура и объем диссертации. Тема работы, поставленные цели и задачи, исследовательские методы обусловили структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы (301 наименование) и приложения. Объем диссертации составляет 176 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; характеризуется состояние научной разработанности проблемы; определяются цели и задачи, объект и предмет, общая рабочая гипотеза исследования; раскрывается теоретико-методологическая основа; формулируются основные положения, выносимые на защиту; определяется научная новизна; освещается теоретическая и научно-практическая значимость работы, а также формы ее апробации и внедрения результатов.

В главе 1 «Теоретико-методологические основы изучения политических региональных и этнических элит», состоящей из двух параграфов, рассматриваются теории, объясняющие возникновение элит в обществе, подходы к их изучению, а также различные процессы, связанные с их существованием.

В параграфе 1 «Теоретические основы становления и развития региональных политических элит Российской Федерации» раскрывается содержание основных элитологических подходов и принципов, связанных с появлением и изучением элит.

Проведенный анализ научной литературы по заявленной нами теме исследования подтверждает наличие в ней достаточно ясных фундаментально-теоретических подходов и возможностей их практического применения. В ней же существование элит признается аксиомой для любого общества, в котором существует социальная дифференциация, политическая власть, государство. Другая точка зрения заключается в том, что элиты – это

исторически определенная форма существования властных групп. Третий подход, предложенный российским исследователем В.П. Моховым, заключается в том, что для индустриального общества характерны универсальные процессы, которые находят себе дорогу в любой общественной системе, но в своей специфической форме. Поэтому и элиты как феномен общественной жизни характерны для любого индустриализирующегося общества.

При выделении критериев для классификации элит исследователи руководствуются различными принципами. Часть из них была сформулирована еще в рамках классической элитологии, другая – в трудах современных ученых. При любом из описанных выше подходов можно указать на те специфические функции, которые выполняет элита. Элита должна быть социальным и властным лидером в обществе. Элита ставит перед обществом стратегические цели, формирует образцы социального поведения, стандарты духовной жизни и пр.

Что касается политической элиты, то для ее анализа часто используется номенклатурный подход. Данный подход стал весьма популярным в отечественной политической науке, хотя применительно к анализу региональных элит номенклатурный подход не дает возможности объяснить конфликты в рамках элит вообще и региональных элит в частности.

При изучении региональных политических элит перспективным оказался подход «соглашения» или «смены» элит. Большое значение для понимания структуры и функций региональных политических элит имеют характеристики их взаимодействия с другими элитными группами, прежде всего, с бизнес-элитами.

Анализируя динамику взаимодействий российских элит за последние десять лет, западные исследователи отметили, что элиты на национальном уровне перешли от конфликта, характерного для начала 1990-х гг., к поиску компромисса. Они считают, что российская элита по-прежнему остается раздробленной, но договоренности элит могут привести к формированию в будущем «сообщества элит», или «конвергенции» элит.

Попытки определить сущность и особенности современных элит строятся, как правило, на основе такого критерия, как власть. Давая оценку конфигурации власти в современной России с позиций модели Ч. Миллса и Г. Даля, элитологи в большей мере склоняются к мнению о том, что пока в России работает модель Ч. Миллса и власть сконцентрирована в руках элит. Иную позицию занимает Я.А. Пляйс, склоняющийся к модели элит Р. Даля, которая «работает» по отношению не только к современной России, но и вообще. Он полагает, что элита, в том числе политико-административная, способна контролировать только часть целого и вряд ли можно говорить о концентрации власти в одних ее руках.

Региональная политическая элита, разумеется, неоднородна. В ней выделяются сегменты (специализированные группы): идеологические, административные, военные, экономические, интеллектуальные и т.д. – по видам деятельности. Элита состоит также из властвующей и контрэлиты (системной оппозиции). Следует отметить, что термин «региональные политические элиты» расширяет возможности сравнительного анализа, открывает путь выяснения многоуровневого строения элит. На наш взгляд, политическая элита региона представляет собой социальную страту, которая достигла самого высокого политического статуса и оказывает определяющее влияние на процессы принятия политических решений в регионе. Элита обеспечивает согласование интересов субъектов политического процесса на уровне региона, между регионом и федеральными элитами, между различными регионами.

Таким образом, следует отметить, что в элитологии существует ряд классических теорий, которые признаются всеми современными учеными-элитологами. Эти теории позволяют им интерпретировать различные процессы и проблемы, связанные с практикой функционирования различных видов элит. Одни тяготеют к классическим теориям элит, другие выстраивают собственные модели и подходы. Среди существующих научных

направлений (школ) происходит накопление эмпирического материала в области исследования элит различного уровня, разрабатываются критерии для типологии элит, даются характеристики уже выделенным элитарным кластерам. Мы считаем, что конфигурацию власти в современной России следует интерпретировать с позиции модели Ч. Миллса, согласно которой власть сконцентрирована в руках элиты. Сама элита при этом не представляет собой консолидированного образования. Сказанное выше в полной мере относится к изучению и политической элиты как федерального, так и регионального уровней. Оба уровня этих элит тщательно исследуются. В меньшей степени изучена этническая элита, как ее часть.

В параграфе 2 «Формирование региональной этнической элиты» рассматриваются преимущественно вопросы, связанные с изучением и местом этнической элиты в системе региональной власти, в том числе на примере финно-угорского сообщества.

Этническая элита – часть российской политической элиты. Ей присущи черты и характеристики российской элиты, но вместе с тем наблюдается значительное своеобразие, связанное с объемом властных полномочий, региональной ментальностью и политической культурой. Данный тип элиты занимает промежуточное положение между Центром, местными региональными административно-политическими элитами и населением. В процессе исследования этнической элиты важно учитывать следующую методологическую особенность: элита может рассматриваться как целостное образование или как конгломерат групп.

По мнению ряда исследователей, современная этническая элита может рассматриваться как сложное, многомерное и самоорганизующееся «пространство», в котором тесно переплетаются черты как политической, так и культурной элиты. Связано это с тем, что одна часть представителей этнической элиты входит в структуру политической власти, другая представляет собой творческую интеллигенцию (ученые, писатели, поэты, художники и люди других творческих профессий). При этом обе категории включены в руководящую работу общественных организаций, связанных с решением этнокультурных проблем местного уровня.

Таким образом, этническая элита представляет собой системное единство политических и интеллектуальных элит, находящихся в прямом или косвенном взаимодействии, представляющих и отстаивающих интересы этноса в формах философии, политики, искусства и др., в целом решающих жизненно важные проблемы жизнедеятельности этноса. В составе этнической элиты можно выделить особую группу интеллектуалов, которые выступают создателями идеологии национальных движений – идеологии национализма. Эту группу некоторые исследователи предлагают называть этнической «символьной элитой». Так, в работах Л.В. Сагитовой, предметом исследования которой являлось идеологическое поле, «символьная элита» – это «научная и творческая интеллигенция, создающая и тиражирующая посредством СМИ этнические ценности и символы».

Заметим, что именно в локальных сообществах и на уровне этнических меньшинств этничность может в большей мере быть задействована как политический ресурс, нежели это возможно и приемлемо на общенациональном уровне. Что же касается таких широких идентичностей, как, например, «финно-угорский мир», то они ясны очень узкому слою этнической элиты и именно эта элита получает некие реальные дивиденды от эксплуатации подобных идей.

Нынешняя финно-угорская этническая элита как часть региональной политической элиты может быть разделена на четыре группы:

1. Руководители регионов, руководители органов государственной власти, руководители международных организаций финно-угров, депутаты представительных (законодательных) органов власти.
2. Руководители общественных организаций

(межрегиональных и региональных). 3. Руководители молодежных организаций финно-угорских народов. 4. Интеллигенция (наука, культура, образование, СМИ).

В результате влияния самых разных факторов (научных, политических, культурных) в рамках финно-угорского сообщества происходит формирование особой идентичности. По мнению же Ю.П. Шабаева, эта идентичность имеет инструментальный характер и складывается усилиями региональных элит в целях «обеспечения поддержки со стороны международных организаций», «построения структур наднационального характера, лоббирующих интересы этнических элит».

Обобщая сказанное, можно заключить, что понятие этнической элиты является недостаточно разработанным в научном плане и сравнительно редко употребляется в политологической литературе, хотя в последние годы по мере институционального становления этнополитологии как дисциплины оно все более прочно входит в научный оборот. Вместе с тем в большинстве случаев этническая элита включается в состав политической элиты и рассматривается, как правило, на региональном уровне. Анализировать основные характеристики и структуру этнической элиты следует в составе тех национальных движений, которые она представляет и в регионах, в которых она имеет влияние. Этническая элита финно-угров в своем составе неоднородна. Ее состав достаточно подвижен, а потенциал и способность влиять на региональную власть со временем меняется. На первом этапе своего рождения этническая элита была сильна, но бюрократизация и потеря поддержки титульного этноса постепенно привели к ослаблению этнической элиты финно-угров.

Глава 2 «“Финно-угорский мир” как глобальная идентичность» включает в себя три параграфа, в которых анализируются предпосылки и условия формирования и существования некоей новой идентичности – «финно-угорского мира».

В параграфе 1 «Культурный конструкт –финно-угорский мир» в политическом позиционировании финно-угорской этнической элиты» рассматривается действие внешних и внутренних факторов, приведших к появлению этнической элиты финно-угров, а также возникновению ключевых явлений в финно-угорском сообществе.

Как показало исследование, появление этнической элиты «первой волны» было связано с распадом СССР. Начавшийся после этого «парад суверенитетов» в постсоветской России в 1991–1992 гг. привел к образованию в национальных республиках различного рода национальных движений, объявивших себя выразителями интересов этнических общностей и претендующих на право говорить от имени целого народа или даже группы народов.

Затронул этот процесс и регионы, в которых проживали народы, относящиеся к финно-угорской группе. Не обошлось без выдвижения политических требований со стороны этнической элиты. В ряде случаев отдельными регионами ставились вопросы о выходе из состава Российской Федерации. В истории движения финно-угров России – это был этап региональных национализмов. Цель «регионального национализма» – пересмотр государственных границ в соответствии с этническими границами, обеспечение права наций на самоопределение и государственный суверенитет. Такие трансформационные процессы не обошли стороной и финно-угорские регионы: Карелию, Коми, Мордовию, Марий Эл, Удмуртию.

Примерно в этот период возникли такие устойчивые этнополитические маркеры, как «финно-угорский мир», «финно-угорские регионы», культивировалась идея единения этих народов в особую транстерриториальную и трансграничную общность. Категория «финно-угорский регион» не синонимична термину «финно-угорский мир», а относится лишь к российским регионам, где исторически проживают финно-угорские народы. Таким образом, в понятие «финно-угорский регион» прежде всего включается само сообщество граждан, проживающих на конкретных территориях и объединенных культурной средой. Однако полного определения понятия «финно-угорский регион» до настоящего времени в

научной литературе не дано. По нашему мнению, оно может быть следующим: «финно-угорский регион» – нормативно-символическая конструкция, основу которой составляет титульная этническая группа, проживающая в конкретной территориальной единице Российской Федерации, имеющей статус национально-государственного образования. При этом данная группа должна относиться к финно-угорским или самодийским народам, т.е. основным является не принцип политического структурирования (тип регионального режима, отношения центр–периферия), а принцип культурно-языкового родства этнических сообществ.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений финно-угров и значимой составляющей их идеологии являются попытки формирования некой новой идентичности – «финно-угорского мира». Идеологи этнонациональных движений неоднократно заявляли о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью. В качестве основы мифа был взят язык финно-угров.

Но такая широкая идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе, тем более что в языках финно-угорских народов сохранилось очень немного элементов прафинно-угорского языка-основы. Территориально эти народы разобщены. В культурном плане народы финно-угорской группы существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая формирует свою идеологию.

Наше исследование показало, что до настоящего времени не удалось не только внедрить идею «финно-угорского мира» в массовое сознание, но даже донести эту идею до населения. Таким образом, «финно-угорский мир» не только по объективным критериям не может рассматриваться как некое сообщество (пусть символическое), он не очень успешен и как миф.

Обобщая полученные результаты, можно сделать выводы об основной причине усиливающегося внимания этнонациональных лидеров к идеологической конструкции «финно-угорского мира». Она связана с очевидным кризисом этнонациональных движений, который признается и многими активистами этих движений. Этот кризис был неизбежен, спровоцирован самими лидерами и связан с двумя принципиальными ошибками в политической деятельности и идеологии движений. Первая из них состояла в том, что и идеология, и политическая практика этнонациональных движений вольно или невольно противопоставляли интересы титульного населения интересам доминантного большинства. Второй неверный ход национальных лидеров заключался в том, что выработка решений и политической линии была монополизирована ограниченными группами активистов, которые не стремились к демократизации норм партийной жизни и к вовлечению в орбиту национальных движений широких слоев населения, хотя сами они, как правило, выступали от имени собственных народов. В результате эти движения не получили предполагаемой поддержки от собственных народов. Таким образом, политическая изоляция этнонациональных организаций заставляет их искать союзников за пределами России и невольно превращает их в некую оппозиционную силу.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что период с 1991 – 1992 гг. характеризуется появлением этнической элиты, связанным с распадом СССР. Одновременно это событие привело к образованию в национальных республиках различного рода национальных движений, объявивших себя выразителями интересов этнических общностей и претендующих на право говорить от имени целого народа или даже группы народов. Затронул этот процесс и регионы, в которых проживали народы, относящиеся к финно-угорской группе. В лексике этнических антрепренеров и региональных политиков появились категории «финно-угорский мир», «финно-угорский регион».

Понятие «финно-угорский мир» представляет собой некую мифическую конструкцию, являющуюся к тому же средством достижения целей этнической элиты финно-угров. Ее основу составляет языковое единство, которое является зыбким и символичным. В результате символичной является и сама этническая элита. Ее ориентация на сотрудничество с зарубежными партнерами, выработка собственной идеологии, направленной на поддержание собственного статуса узкого круга лиц, а не титульной нации и федеративных отношений, ведут ее к политической изоляции и национализму в худших его проявлениях. Но самое главное, что финно-угорские идеологи не предлагают реальных и взаимоприемлемых для всех заинтересованных сторон путей реформирования федеративных отношений.

В параграфе 2 «Политизация этничности: отечественные и международные акторы в этнополитических процессах» нами показано, что среди определенной части российских приверженцев идеи «финно-угорского мира», многих западных ее сторонников есть понимание того, что эту идею нельзя рассматривать как некую реальность, и ее нередко называют политическим мифом.

Не вдаваясь в рассуждения по поводу политической и этнополитической мифологии, которая довольно основательно рассмотрена в некоторых трудах отечественных и зарубежных исследователей, согласимся с тем, что «задача идеологии – реконструкция мифологии», и в этом смысле миф о финно-угорском единстве логично вписывается в идеологические конструкции финно-угорского движения. Поэтому идеологическая конструкция «финно-угорского мира» сегодня является прежде всего инструментом, который позволяет создавать дополнительные гарантии того, что этнические меньшинства не только будут сохранены, но и станут объектами целенаправленной государственной политики, получают поддержку от международных институтов. Наше исследование показало, что российские аналитики и политические деятели не отстают от своих западных коллег по уровню глубины анализа этнополитических проблем, поскольку нередко видят в финно-угорском движении не его потенциальные возможности, а мифические угрозы российской государственности.

По нашему мнению, сегодня надо по-иному взглянуть на финно-угров и попытки сформировать единое финно-угорское культурное пространство, громко именуемое «финно-угорским миром». Финно-угорские регионы, действительно, могут стать своеобразными «мостами» – зонами усиленной интеграции между ЕС и Россией. В Карелии, например, уже реализуется проект создания «Еврорегиона Карелия», в который с российской стороны вошла вся Республика Карелия, а с финской – Северная Карелия, Северная Похьянмаа и Кайнуу. Создание такого региона означает переход к иному уровню и качеству приграничного сотрудничества, создание общей инфраструктуры, решение ряда правовых и административных проблем. Итогом проекта должна стать интернационализация экономики и преодоление экономического разрыва между регионами по обе стороны государственной границы, новое качество жизни населения.

Конечно, идея «этнических» еврорегионов – это только один из возможных вариантов развития отношений между единой Европой и реформирующейся Россией, в основание которой положен культурно-исторический фактор. Возможны и другие идеи. Так, например, финно-угорские народы Российской Федерации и сегодня остаются преимущественно сельскими этническими сообществами, поскольку большинство представителей этих народов проживает в сельской местности (в этом смысле деэтнизация данным сообществам не грозит, поскольку на селе финно-угры доминируют как численно, так и культурно). Поэтому глобальное совершенствование сельского образования есть насущная необходимость. На решение этой проблемы и следует тратить деньги, а первая программа национального развития для любой «финно-угорской» республики (и для всей России в целом) должна называться «Сельская школа». Вторая жизненно важная программа для российских финно-угров – это создание эффективного рыночно ориентированного аграрного производства (включая собственно производство,

сбыт, кредитование, производственный сервис). Практически все финно-угорские народы и по сей день остаются преимущественно аграрными сообществами, и именно село является той социальной средой, которая поддерживает стабильность финно-угорских этносов, обеспечивает их демографическое и этнокультурное воспроизводство.

Таким образом, у определенной части российских приверженцев идеи «финно-угорского мира», многих западных ее сторонников есть понимание того, что эту идею нельзя рассматривать как некую реальность, и ее нередко называют политическим мифом. Миф о финно-угорском единстве логично вписывается в идеологические конструкции финно-угорского движения. Поэтому идеологическая конструкция «финно-угорского мира» сегодня прежде всего является инструментом, который позволяет создавать дополнительные гарантии того, что этнические меньшинства не только будут сохранены, но и станут объектами целенаправленной государственной политики, получают поддержку от международных институтов. Тот факт, что в результате сотрудничества в рамках финно-угорского мира выгоды получают почти исключительно этнические элиты (на реальном положении рядовых представителей этнических сообществ это сотрудничество в настоящее время никак не отражается) есть очевидное доказательство политического значения современного финно-угорского паннационализма.

По нашему мнению, основой программы поддержки финно-угорских народов России должны стать масштабная реорганизация аграрного производства и лесопромышленного комплекса, а также совершенствование системы сельского образования.

В параграфе 3 «Абсолютизация роли языка и придание –языковому вопросу» идеологического значения» рассматриваются вопросы применения и использования языка и языкового развития финно-угров. Этот вопрос является центральным при обсуждении положения финно-угорских народов со стороны наших оппонентов – представителей Венгрии и Эстонии. По их мнению, «родной язык не стал языком образования» для представителей финно-угорских народов; финно-угорские языки почти не используются в системе государственного управления; «правительство не общается с населением на их родном языке»; «печати, почтовые марки, торговые марки, официальные документы и сертификаты» не выпускаются на родном языке; люди не имеют возможности использовать родной язык в своей религии; законодательные и судебные органы власти «не обеспечены родными языками» и т.д.

Нами отмечено, что сфера применения финно-угорских языков, действительно, ограничена. Значительную роль в том, что названные языки оказались в таком положении играют языковые ориентации среди самих носителей этих языков, что признается и нашими оппонентами. Можно по-разному относиться к этим ориентациям, но отрицать право личности на выбор культурных стандартов, на характер культурного потребления невозможно. Более того, в современной ситуации любое навязывание языка и культурных стандартов обернется против культур миноритарных сообществ, и очевидным свидетельством тому являются культурные ориентации молодежи, которые в результате этнического ренессанса первой половины 1990-х гг., казалось бы, должны были сместиться в сторону названных культур. Но этого не произошло, а наблюдается обратное явление. Примитивные попытки объяснить нежелание молодежи использовать язык предков и принимать за культурный идеал «традиционную культуру» тем, что якобы усиливается русификация этнических меньшинств, выглядят неубедительно, поскольку эти объяснения не учитывают сложных перемен в массовом сознании населения в целом и молодежи в частности. Современная «сетевая молодежь» становится все более космополитичной, а приверженность этническим традициям она нередко воспринимает как архаику, которая плохо согласуется с современной цивилизацией.

Таким образом, нами не отрицается роль языка в формировании самоидентификации и этничности финно-угорских народов. Вместе с тем язык зачастую используется политическими антрепренерами как средство политизации этничности. А,

например, высказанная ими идея, связанная с переводом всей системы образования на финно-угорские языки, выглядит утопично и рассматривается нами как языковая провокация, затеянная ради отвлечения внимания и ресурсов от насущных потребностей российских финно-угров.

Глава 3 «Этнонациональные движения в –финно-угорских регионах» Российской Федерации в современных условиях», которая состоит из двух параграфов, посвящена исследованию этнонациональных движений, деятельности этнонациональных организаций и активистов, изучению их роли в этих движениях.

В параграфе 1 «Национальные движения и этническая элита в –финно-угорских регионах» Российской Федерации» исследуется вопрос использования этничности как инструмента достижения определенных политических целей. Причины поддержания и актуализации этничности носят не психологический, а политический характер, при котором этническая группа вовлечена в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы «в рамках формальной политической системы».

Наше исследование доказывает, что для достижения своих целей этническая группа манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе. Ключевую роль в названной борьбе играют этнические элиты, которые чаще всего ведут борьбу за сохранение группы как целостности, за сохранение культурных границ между группой и иноэтничным окружением с тем, чтобы предотвратить ее акультурацию и ассимиляцию. Элиты пытаются определить интересы группы, делая главный акцент на групповой идентичности и по существу отвергая личный интерес и индивидуальные культурные и политические позиции представителей этнического сообщества. Поддерживая диктат группы над личностью, элиты фактически выступают не за интересы группы, а за отеснение с политического или культурного поля этнически чуждых конкурентов.

Как показал наш анализ, именно эти элиты и стали инициаторами создания этнонациональных организаций, выступавших от имени российских финно-угров, именно они разрабатывали их идейные позиции. В массовом порядке этнонациональные организации стали создаваться в 1989 – 1990 гг. Масштабный характер этнонационального движения в начале 1990-х гг. (названный активистами этнонациональных движений «национальным возрождением», а специалистами «этническим ренессансом», «этнической революцией», «бунтом этничности») можно объяснить не только тем, что этничность и в советские годы сохраняла свое значение политического ресурса, но и самим характером политических и экономических перемен в российском обществе.

В 1989 г. появились такие организации, как «Коми войтыр» в Коми, Общество удмуртской культуры в Удмуртии, «Масторава» в Мордовии, Общество карельской культуры в Карелии, Ассоциация кольских саамов в Мурманской области. В следующем году возникли этнонациональные организации в Коми-Пермяцком округе (Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югэр»), Общество вепской культуры, Ассоциация «Спасение Югры» в Ханты-Мансийском округе, общество «Марий ушем» в Марий Эл. Почти все названные организации стали основой для формирования этнонациональных движений, возникновение которых свидетельствовало об очевидной политизации этничности. Не случайно время от возникновения организаций этнокультурного толка до их трансформации в этнополитические движения оказалось очень небольшим. Стремительная политизация этноориентированных организаций была вызвана необходимостью включиться в борьбу за власть и ресурсы, которая развернулась с начала 1990-х гг.

После создания первых этнонациональных организаций в российских республиках с финно-угорским населением и оформления политических институтов титульных этнических сообществ в форме съездов начались процессы структурирования

этнонациональных движений. Появились многочисленные местные отделения республиканских организаций, стали возникать молодежные этнические союзы, возникли радикальные организации, которые на начальном этапе действовали в союзе с другими этноориентированными силами. К последним, очевидно, относились партия «Дорьям асьнымос» в Коми, «Карельское движение» в Карелии, «Кугезе мланде» в Марий Эл, «Эрзянь мастор» в Мордовии.

Если оценивать в целом развитие этнонациональных движений финно-угорских народов, то условно его можно разделить на несколько периодов. В 1989–1992 гг. происходило становление этих движений и оформление их идеологии; 1993–1994 гг. можно считать периодом наивысшего подъема движений и периодом их наибольшего влияния на власть и население. В период с 1995 по 2000 г. происходит спад активности движений и намечается кризис в их развитии, связанный с очевидным падением их политической роли. После 2000 г. начинается затяжной кризис, постепенный отказ от политической деятельности и переквалификация движений из этнополитических в этнокультурные (общественные) организации. В этот период прекращают свою деятельность многие радикальные организации этнополитического толка, между ними и региональными властями начинается постоянное противостояние, сами же движения оказываются в полной зависимости от властей и окончательно теряют влияние среди населения.

Говоря об идеологии, следует иметь в виду, что какой-то общей цели, детально разработанной концепции политического и культурного реформирования в финно-угорских республиках и автономиях не существует. Есть только ряд принципиальных положений, которые признаются всеми или почти всеми этнонациональными организациями. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей политической платформе этнонациональных движений и ее научном анализе.

Но принципиальный вопрос любого политического движения – это вопрос о власти, поэтому целый комплекс документов, которые требовали принять лидеры этнонациональных движений, должен был обеспечить безусловное политическое доминирование в регионах проживания финно-угров их этническим элитам. Законы о миграции и гражданстве, законы о языках и президентах должны были гарантировать, что высшая исполнительная власть окажется в руках лидеров этнонациональных движений; главным требованием для занятия должности Главы или Президента республики становилось требование знания языка «коренного народа». Другие законодательные акты должны были закрепить преимущественные права титульных этнических общин на землю и ресурсы. По сути, лидеры этнонациональных движений настаивали на выдавливании иноэтнических конкурентов из политических институтов, хотя на словах уверяли о своей приверженности «межнациональному миру». Подобная позиция привела к тому, что к этнонациональным движениям финно-угров стали относиться с подозрением значительная часть представителей других этнических общин и самих карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы, т.к. люди понимали, что этнические антрепренеры пытаются нарушить социальное согласие в регионах проживания финно-угорских народов. Подобная ситуация свидетельствует о глубоких внутренних противоречиях в практической деятельности этнонациональных движений.

Таким образом, становится очевидным, что этническими антрепренерами и культурное, и политическое пространство России и регионов проживания финно-угров продолжает восприниматься как этноцентричное, что вполне естественно для приверженцев этнического национализма. Идеологи этнического национализма, апеллируя к конституционным нормам, фактически извращают один из базовых принципов социального государства, которым по конституции является Российская Федерация, – принцип солидаризма общества. В идеологии финно-угорских движений ключевыми моментами являются противопоставление этничности гражданству и апелляция к идее групповых прав. Этнической элите невыгодны общедемократические

политические нормы, которые не только лишают ее особого положения в территориальных сообществах, но могут привести к полному выдавливанию этнизированных политиков из политического пространства. Отстаивать идею неукоснительного соблюдения прав человека этническим элитам также невыгодно, потому что эти права индивидуальны, а идея групповых прав предполагает, что этнические элиты смогут выступать выразителями этих прав.

В параграфе 2 «Процессы фрагментации финно-угорских этнических сообществ и «регионализация» их политических интересов» показано, что с течением времени культуры как ценностные системы (прежде всего, национальные культуры) и символические программы деятельности формируются относительно самостоятельно в локальных сообществах. Местная солидарность, совмещенная с историческими и культурными особенностями, создает идеальную основу для политического структурирования и политической мобилизации. Поэтому в «финно-угорском мире» начинают усиливаться процессы фрагментации этнических сообществ и «регионализации» их политических интересов.

Проведенный нами анализ источников и литературы, касающийся этнонациональных движений в финно-угорском сообществе показал, что названные процессы впервые дали о себе знать еще в начале 1990-х г., но тогда их воспринимали как некое отклонение от нормы, «политическое недоразумение». Наибольшее значение в названных процессах имел, пожалуй, раскол в мордовском этнонациональном движении, которое фактически распалось на эрзянское и мокшанское. Вслед за мордовским движением процессы дифференциации начались и в марийском движении, где субэтнический фактор оказался весьма значимым в политическом размежевании движения.

Коми национальное движение, которое можно считать самым успешным и влиятельным среди движений финно-угорских народов, не только долгое время оставалось идеологически и организационно единым, но и вовлекло в сферу своего политического влияния коми-пермяков. Между тем локальные национальные объединения, которые формировались на базе прежних этнографических групп коми этноса в Республике Коми, тоже были созданы, но все они действовали как политические подразделения общекومی движения. Ослабление коми национального движения привело к тому, что активисты на местах стали искать новые формы деятельности и новые основания для своих идейных конструкций.

Результаты исследования подтвердили наше предположение о том, что процессы этнической дифференциации имеют свою очевидную логику и определяются как экономическими, так и политическими интересами локальных сообществ. Именно поэтому ни административное давление, ни мнения политических арбитров или экспертов не могут оказать на них заметного воздействия, хотя в России не только деятели национальных движений, но и некоторые ученые склонны оказывать воздействие на этнополитические ориентации населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы этнической дифференциации в последнее время стали характерны не только для финно-угров, но и для других этносов России. Сама этничность как социальная реальность не есть некий монолит, а потому конструирование этничности стало заметным явлением в современной России и на постсоветском пространстве. Однако эта гибкая конструкция становится прочной, лишь имея под собой мощный фундамент экономических и политических интересов, осознаваемых большинством вовлекаемых в процесс конструирования идентичностей людей. Как показывает история финно-угорских и других народов при определенном стечении обстоятельств локальная идентичность может резко актуализироваться.

В Заключении подводятся итоги и излагаются основные выводы, которые были получены в процессе исследования.

В целом в результате исследования можно сделать вывод, что современная ситуация внутри финно-угорского движения заключается в том, что, с одной стороны, оно переживает серьезный кризис как на уровне общенациональных и региональных движений, так и на уровне транснациональном, но при этом нереализованный потенциал движения и ныне оказывается весьма значителен. Что же касается политизированной части этнической элиты в «финно-угорских регионах» Российской Федерации, то ее роль в региональных политических процессах в последние годы существенно ослабла. Это связано как с внутренним кризисом самих этнонациональных движений, так и с тем, что ресурс политизированной этничности ныне не востребован региональными политическими элитами.

В Приложении 1 содержится карта с выделенными «финно-угорскими регионами» Российской Федерации. В приведенной в приложении 2 таблице отмечены «финно-угорские регионы» Российской Федерации, в которых ведется активная этнополитическая деятельность. В приложениях 3 и 4 представлены Резолюция IV Всемирного конгресса финно-угорских народов и Резолюция III съезда финно-угорских народов Российской Федерации соответственно. Материалы, включенные в приложение, иллюстрируют масштабы проживания народов финно-угорской группы и, следовательно, масштабы затронутых нами проблем народов этой группы.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований:

1. Чарина А.М. Идеология этнонациональных движений финно-угров: значение идейных конструктов для этнической элиты // Вестник Поволжской академии государственной службы. – Саратов: ПАГС, 2009. – № 2. – С. 65 – 70. – 0,3 п.л.
2. Чарина А.М. Роль этнического фактора в развитии политической элиты регионов России (на примере «Финно-угорского мира») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена: научный журнал. – СПб., 2009. – №111. – С.305-309. – 0,6 п.л.

Иные публикации:

1. Чарина А.М. К проблеме исследования этнократии в современной элитологии // Вестник КРАГСиУ. Сер. «Теория и практика управления». – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2007. – №5. – 1,1 п.л.
2. Чарина А.М. Политизация этничности: отечественные и международные акторы в этнополитических процессах // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы VII Всерос. науч.-теор. конф. (28 марта 2008 г., Сыктывкар): в 3 ч. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – Ч.2. – 0,2 п.л.
3. Чарина А.М. Этнократические элиты и формирование новой идентичности населения (этничность vs гражданственность) // Реальность этноса: образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (8–11 апреля 2008 г., Санкт-Петербург): в 2 ч. / под науч. ред. И.Л.Набока. – СПб.: Астерион, 2008. – Ч. 1. – 0,3 п.л.
4. Чарина А.М. Значение этнического фактора в развитии политической элиты регионов России // Проблемы теории и практики формирования белорусской экономической модели (к 120-летию со дня рождения В.В. Куйбышева): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (30 мая 2008 г., Минск). – Минск: Право и экономика, 2008. – 0,1 п.л.
5. Чарина А.М. Новый национализм финно-угров и роль элит в конструировании этничности // Этнические и межэтнические проблемы современного российского общества: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (июнь 2008 г., Пенза). – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2008. – 0,2 п.л.

6. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, лидеры): монография / отв. ред. В.В. Грибанов. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – 15,0 п.л.
7. Бабаян Л.В., Чарина А.М. Причины и некоторые пути разрешения межнациональных конфликтов в контексте национальной политики Российской Федерации // Вестник КРАГСиУ. Серия «Теория и практика управления». – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – № 7 (12). – С. 32 – 35. – 0,5 п.л.
8. Бабаян Л.В., Чарина А.М. Соотношение объективного и субъективного в управлении и преодолении межнационально-этнических конфликтов // Политические, экономические и социо-культурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-теоретической конференции (16.04.2010, г.Сыктывкар). в 3-х ч. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – Ч. 2. – С. 17-19. – 0, 2 п.л.
9. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Этнические элиты и новый национализм финно-угров России (этничность vs гражданственность) // Элиты России: взгляд из региона: коллективная монография / отв. ред. В.В.Грибанов. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – С. 149–161. – 0,8 п.л.
10. Чарина А.М., Чесноков В.П. Федеральная и региональная элиты в общественном мнении // Элиты России: взгляд из региона: коллективная монография / отв. ред. В.В.Грибанов. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – С. 201–212. – 0,7 п.л.
11. Шабает Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (Этнополитический анализ): монография. – СПб.: СПб ГУСЭ, 2010. – 17,25 п.л.
12. Чарина А.М. Место и роль элитологии в системе политических знаний. Этническая элита. // Вопросы сервиса и экономики. Научный журнал СФ СПб ГУСЭ. – 2010. – № 1. – С. 197–201. – 0,3 п.л.
13. Чарина А.М. Характеристики становления современной элиты Российской Федерации // Law economy and management in modern ambience. LEMiMA 2011: 2 International conference. Editor Z.Radosavljevic (12-15 April 2011, Belgrade, Serbia). – Belgrade: ALFA University, 2011. – С. 417–422. – 0,7 п.л.